

РАЗУМНО ПОСТИЧЬ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Степень и характер влияния личности на ход истории обуславливается объёмом и характером его дарований, силой проявленной энергии и главное всего – сферой жизни, в которой проявляется его деятельность.

В.З. Завитневич

Судьба Владимира Завитневича непохожа на судьбы многих образованных белорусских юношей второй половины XIX века, мечтавших жить по высоким нравственным идеалам, быть нужным своему народу и обществу. У него был свой жизненный путь между Сциллой и Харибдой, между религиозной философией и светской наукой, между прекрасными порывами и мрачной действительностью. Преодолевая социальные и мировоззренческие трудности, поднявшись к вершинам общеевропейских знаний, он оказался способным осветить и осмыслить многие вопросы международной жизни, российской истории, политики, деятельности государства и его императоров, затронуть такие струны идеологии и нравственно–духовного состояния народа, которые и сегодня болезненно звенят, угрожая мирозданию.

Владимир Зиновьевич Завитневич родился 2/14/ апреля 1853 года в деревне Литвяны Минского уезда, теперь Узденского района Минской области в семье потомственного священнослужителя. Он – ровесник известного писателя В.Г. Короленко и революционерки–народницы С.Л. Перовской. Однако жизнь нашего земляка была совсем другой и впечатляет своей значимостью человека научного поиска, самобытностью своей религиозно–философской и политической мысли конца XIX– начала XX столетий в России.

В наше сложное и противоречивое время мы неслучайно обратились к идейно–теоретическому наследию В.З. Завитневича: с одной стороны, он – видный церковный деятель, пропагандист духовно–нравственных ценностей, а с другой – талантливый учёный–историк, проявивший неослабевающий интерес к вопросам политической жизни и государственного управления России, исконно русским и западноевропейским политическим идеологиям.

Детство Владимира до семи лет проходило в Литвянах, а потом в местечке Койданово, куда отца перевели в Покровскую церковь. В этих тихих местах в сердце мальчика входили белорусские слова и сказки, красивые образы родной природы, настроения и грустные песни местных крестьян.

В Койданово он закончил нисшую школу и поступил в Минскую духовную семинарию, где изучал литературу, логику, философию,

церковную и гражданскую историю. Семинария обогатила его знаниями, способствовала раскрытию его умственных способностей и придала уверенность в своих силах. После её окончания Владимир Завитневич поступил в Петербургскую духовную академию на церковно-историческое отделение, где преподавали многие талантливые учёные. Ему очень повезло, что его учителем стал известный историк публицисту профессор Михаил Осипович, уроженец Гродненской губернии, превосходный педагог, знаток научной школы западно-руссизма и славянофильства. Несомненно, профессор вызвал у него интерес к истории России, Беларуси, западноевропейских стран, а это в его будущем слишком много значило.

В 1879 году Завитневича направили в Польшу, учителем Варшавского духовного училища. Весьма многому научился он на Неве, теперь процесс познания продолжался на Висле, а вскоре, ещё более интенсивно, на Днепре. С юных лет всеми фибрами своей души он почувствовал, что знания ему нужны не сами по себе, не для аттестата, а для того, чтобы развить свои творческие способности, правильно мыслить и создавать свои аналитические труды: чтобы быть подобным на дерево, приносящее плоды.

В 1883 году В.З. Завитневич, успешно защитив магистерскую диссертацию, был избран доцентом кафедры русской гражданской истории Киевской духовной академии, с 1899 года – экстраординарным профессором. Одновременно преподавал историю в Киевском институте шляхетских девиц. Завитневич быстро освоился с новой обстановкой, разработал учебные лекции, обзавёлся друзьями. В Киеве он вошёл в группу белорусской интеллигенции: М.В. Довнар-Запольский, Е.А. Ляцкий, Д.М. Мейчик и другие, которая группировались вокруг газеты «Минский листок», изучала историю и этнографию Беларуси, экономическое положение белорусов. Он состоял членом исторического общества Несторо-летописца, Московского археологического общества и других.

Владимир Завитневич постоянно читал и анализировал произведения художественной литературы, правдиво и глубоко отражающей русскую действительность. Особенно хорошо знал творчество А.С. Пушкина, Адама Мицкевича, Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьёва, А.С. Хомякова, Н.В. Гоголя и других. Его не мог не заинтересовать гоголевский Хлестаков, пустой бесшабашный авантюрист, принятый в обществе за важного человека во власти. Историк написал статью «Религиозное состояние Н.В. Гоголя в последние годы его жизни», в которой показал состояние страха писателя перед будущим России.

Владимир Завитневич был уравновешенным, справедливым, глубоко мыслящим, способным передать свои знания, мысли словом, по ходу лекции студентам и на бумаге в форме статьи в журнале «Труды Киевской Духовной академии». Он всегда тяготел к самопознанию и осмыслению политических событий в быстро изменяющемся мире, в первую очередь в своей стране, в своей академии. Он не остался равнодушным к тому, что происходило в стенах их учебного заведения. Анализировал борьбу «левых» и правых студентов, требующих пересмотра академического устава. Он возглавил

группу профессоров, пожалавший выйти на беседу с «бастующими». Он исходил из того, что основа воспитания молодёжи – неподдельная жизнь, такая как есть, и каждый поступок рассматривал с учётом социальных условий, места и времени. Его учили и студенты своей академии и выдающиеся умы человечества.

Во время работы в академии В.З. Завитневич накопил множество разнообразных впечатлений, замыслов, связанных с учебным процессом, воспитанием учащейся молодёжи, преподаванием, деятелями науки (В.Б. Антонович, Д.И. Богдашевский, В.Ф. Певницкий и другие). Они оставили неизгладимый след в памяти, как люди образованные и милосердные, глубоко верующие. Им можно было верить во всё, о чём они говорили и писали. Несомненно, наш земляк учился и на их житейском и интеллектуальном опыте. Следуя им, он увлечённо изучал труды А.И. Герцена, А.Н. Радищева, М.Е. Салтыкова–Щедрина, В.И. Семевского, М.М. Сперанского, Н.М. Карамзина, французских учёных Вольтера, Ш. Монтескье, Д. Дидро и других. Эти историки, философы, писатели, к идеям которых он постоянно тянулся, во многом определили направление его политической мысли, несомненно, прогрессивной и самобытной. Вскоре он стал известным в научных кругах России. Когда московский либеральный историк П.Н. Милюков в 1892 году издал свои книгу «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого», он тотчас же послал её по почте В.Б. Антоновичу, В.З. Завитневичу, М.М. Ковалевскому и другим учёным.

С одной стороны, как учёный–археолог, исследовавший около 700 курганов дриговичей в 82 могильниках в Мозырском, Речицком, Бобруйском и других уездах, изучавший древне–русскую историю, В.З. Завитневич не мог не обогатить свои обширные познания элементами исторического материализма. А с другой, будучи профессором духовной академии, воспитателем будущих церковнослужителей, он не мог быть безразличным к идеализму. Он достойно служил Богу, православной церкви, осмысливая многие вопросы с позиции веры, любви ко всевышнему. Противоречия во взглядах историка Завитневича не случайность, а отражение тех невероятно сложных условий, в которые была поставлена российская общественная жизнь на рубеже двух веков. Поэтому в его трудах органически сочетается идеальное и реальное, и эти идеологические ценности не мешали ему вторгаться в мир жизненной правды.

Более всего в Завитневиче поражает его непрерывное тяготение к актуальным вопросам политики, жизнедеятельности государства и его правителей, развития просвещения и культуры. И на этом благородном поприще он вошёл в историю как неутомимый труженик, глубокий мыслитель–представитель гуманистических традиций, научной совести. Будучи собирателем политической идеологии, олицетворяющей мудрость социальной нравственности, он хотел вооружить народ путеводной звездой, и несущей свет знаний и добра, творчества и полноценного блага. Нельзя укорять его, если у него не всё получилось.

Миропониманию В.З. Завитневича и всей его мысли характерен дуализм, который признаёт идеальное и материальное двумя самостоятельными началами.

Существовая с Богом внутри, он не мог жить без общественно–политического движения, светского знания, общений с людьми, без собственной мысли. Владимир Завитневич – один из немногих белорусских мыслителей того времени, который оказался способным так глубоко размышлять на политические темы. Он делает это на основе энциклопедических познаний, в русле духовно–исторической традиции, искренне и выразительно, и ему безоговорочно веришь. Веришь потому, что прикасаешься к выверенной оригинальной мысли, вытекающей из добросовестного анализа прошлого и настоящего, тех проблем, которые волнуют всех. Его мудрые идеи воспринимаешь как современные, его самобытная мысль становится как бы твоим знанием и твоим сознанием. И многое из его научных выводов вовсе не устарело, а подтвердилось, и будет служить людям нашего времени.

Свои убеждения В.З. Завитневич черпал не только из религиозной философии, но более всего из всей совокупности общественных отношений, из всего контекста жизни и собственного опыта. В его обширном творчестве немало объектов исследования, значимых для России, европейского сообщества, всего человечества. Как истинный историк–мыслитель, он изучал сложные проблемы общественно–политических и международных отношений. Важнейшие из них: цель и смысл человеческого бытия, значение народа и личности в истории, западничество и славянофильство, понимание политики, государства и его деятелей, роль истории и историка в жизни общества, духовное состояние человека, банкротство ложных идей, роль идеала в воспитании людей и т.д.

Уже в своих первых трудах В.З. Завитневич обратился к истории, народной памяти, государственным деятелям и их оценке. В исследовании «Владимир Святой как политический деятель» (1888г.) он показал огромную роль киевского князя Владимира в объединении русских земель, развития просвещения, культуры. При нем Киев был застроен каменными зданиями, проведено, крещение Руси, введено в качестве государственной религии христианство и единое управление. Многие до сих пор не забыто. Завитневич считает, что с многовековой традицией нельзя не считаться. Не зря же в древних былинах князь назван Красное Солнышко. За то, что «мудро сумел Владимир примирить и объединить в жизни вселенское, общечеловеческое начало христианства с частным началом русской народности». Автор подводит нас к мысли, что заслуги политического деятеля следует измерять его умением понять нужды людей и управлять ими, объединить для благотворящей цели, и более всего улучшением настроения и качества жизни своего народа.

В статье «Значение царствование Александра III в общем ходе нашей исторической жизни», написанной в 1895 г., вскоре после его смерти, В.З. Завитневич, превосходно знающий историю России, своеобразие её

внутренней и внешней политики, закрепляет мысль о значимости правления государственного лидера. Оценивая роль Петра Великого, отмечает, что он пробился к берегам Балтийского моря, по необходимости вёл войны, ввел Россию в систему европейских государств и определил к ним своё отношение. Автор заключает: «Этой своей политикой великий государь раз навсегда завещал своему народу, что единственным мотивом как для ведения войн, так и для заключения союзов с европейскими народами должна быть ясно осознанная польза государства»¹

Однако этот испытанный принцип оказался замысловатым для некоторых преемников Петра I. Завитневич отмечает то, что произошло с нами более ста лет тому назад: «Мы, часто без всякого смысла и толку, пустились в политику приключения, не сознавая того, что нам нужно и к чему мы должны стремиться, и получая в результате раздражение и ненависть Европы, и своё собственное разорение»².

В.З. Завитневич осмысливает один из характерных пороков правления Екатерины II – непродуманность и непостоянство внешней политики, неумение оценить событие. Это приводило к усложнению отношений с Францией, Англией. Чем объяснить легкомысленное непостоянство российской политики? А как решался вопрос в тогдашней дипломатической переписке? Историк–мыслитель отвечает: «Там вы встретитесь с широкими планами проявлениями любви к человечеству и т.д.; там вы не встретите только одного: ясного понимания интересов своего государства и той роли, какую оно должно играть в отношении к Европе»³. Какими реальными причинами это можно подтвердить и кто не смог предотвратить кровопролитную Крымскую войну? На эти вопросы автор отвечает словами военного историка, адъютанта М.И. Кутузова А.И. Михайловского–Данилевского: «Россия являет единственный пример в мире, где дипломатический корпус состоит большею частью из иностранцев ... 73 человека, их которых только пятнадцать русских имён ... Они много знают о России, но ничего не чувствуют к России. Ум их и память обогащены познаниями, но душа их и сердце не напитаны истинною любовью к отечеству, привязанностью к престолу и уважением к русским нравам и обычаям»⁴. Так какую же роль сыграл Александр III в системе европейских держав, и какую память оставил в сердцах людей после своей смерти? Кроме того, что император отменил подушные подати, понизил выкупные платежи крестьян, Завитневич указывает на его «загадку», о которой повсюду говорит и сегодня наше население. Вот как он её объясняет: « Не упуская из виду Европы, он главное внимание устремил на развитие внутреннего благосостояния своего народа, а чтобы этой работе не помешала дерзость какого–нибудь искателя приключений, он выдвинул сильную армию, всегда

готовую дать отпор тому, кто бы осмелился помешать его мирному труду»⁵. Император создал условия всякого культурного преуспеяния, тринадцать лет держался желанный мир – это был замечательный результат, которого он достиг, не поступившись «ни честью, ни материальными интересами своего народа».

Почему политические статьи В.З. Завитневича и спустя более ста лет воспринимаются свежо, с интересом и их идеи вовсе не потеряли своей актуальности. А мы давайте перечитаем статью нашего земляка «К вопросу об историческом призвании русского народа», изданную в 1893 году. В условиях современных суверенитетов может показаться странным упорство Завитневича, с которым он пишет о русском народе. Однако же он рассматривал национальный русский, белорусский и украинский характер как славянский, т.е. не с националистических, а с исторических позиций. Не мог же он, историк и человек со святой душой, не думать о благополучном будущем своей любимой родины да и о счастье Украины, принявшей его в лоно служение Богу, науке, людям. Его употребление «русскийтождественно понятиямславянский, «российский». В названной статье Завитневич резонно замечает, что какие-то научно- теоретические вопросы решает сама жизнь в своём действительном течении. Однако разумный человек не может отказаться от размышления над ними: они «устремляют его в мир принципов, в мир идеалов: а стремление к идеальному есть насущная и притом благороднейшая потребность человеческого духа». Так может ли человек, тем более государственный деятель, отказаться от лучших намерений, благородных порывов, и погружаться в мир грубой житейской прозы? С этих рассуждений автор поднимает вопрос об историческом призвании русского народа, который в свою очередь вызывает множество других вопросов. «...во имя какого права мы совершим захват огромной территории, составляющей почти $\frac{1}{6}$ часть всей суши земного шара, и во имя какого права мы десятки миллионов людей, отличающихся от нас этнографически, хотели бы заставить отказаться от культурной и политической самобытности и желали бы превратить их в простой этнографический материал для усиления и без того сильной своей народности?»⁶. Конечно же, он имеет в виду не то право силы, которым руководствовались завоеватели, начиная с древних времён. Он громко заявляет о праве, во имя которого культурный человек подчиняет себе отсталого, «неся ему благо цивилизации», более высокий уровень материальной культуры и политического развития. В.З. Завитневич убеждён, что именно в этом истинная задача, высокая благородная, достойная великого народа, к осуществлению которой никогда не перестанет стремиться русский человек. Но поскольку правитель не всегда осознаёт противоречия развития общества, особенно цивилизаций, он предупреждает: «На пространстве веков не мало можно было бы указать примеров того, как

отдельные народы, бодро выступавшие на арену исторической жизни и даже успевшие дать блестящий расцвет своей гражданственности, быстро сходили с исторической сцены, потому что не сумели понять смысла своего бытия, не сумели уразуметь, возложенные на них условия задачи»⁷.

В чём же, по мысли В.З. Завитневича, выражается историческое призвание русского народа? Прежде всего в объединяющей и направляющей силе народа и государства, в рациональном использовании своего природного интеллектуального, культурного и духовного богатства, не отказываясь от «усвоения» чужого достояния». В понимании смысла своего бытия и стремлении к своему идеалу, который историк видел, в совершенствовании любви к Богу, православию и своей земле, – идеал, который притягивает «к себе человеческую волю» и которого нет на Западе. В преобладающем настроении народа как культурно – исторической общности, в непоколебимой вере в свою культурную и политическую самобытность, свою судьбу и будущее человечества, в торжество высших нравственных идеалов.

Кроме того, русский народ призван приобщать к науке, искусству, культуре, благам цивилизации другие народы, прежде всего являющиеся его составной частью. Он живёт, доказывая миру, что именно, культурный, духовно–нравственный, сострадающий человек есть тот тип личности, который полон любви и оптимизма, жажды познания и творчества, духа милосердия, жертвенности и душевной красоты. В противовес западному пессимизму и эгоизму человеческого духа Запада, где «человечество мельчает, стареет, вырождается». И в этом призвание России – достигать сильного международного влияния, используя, «завидное положение», которое она занимает на земном шаре, талант народа и мудрость дипломатов. В.З. Завитневич убедительно показал, что без социально–нравственной цели развитие науки и политики не этично и ущербно: «беда не в анализе мысли, а в её направленности». Здесь же он проявил великолепные способности предвидеть исторические события.

1 августа 1914 года Германия объявила войну России. Полилась людская кровь на европейских полях –аналитик Завитневич взялся за перо. Познания истории европейских стран, особенно Германии, сформировали в нём интеллектуала, который во многих фактах прошлого и настоящего находил научно–политический смысл и на основе глубокого анализа делал рациональные выводы. Он понимал свою миссию исследователя современности и терпеливо изучал проблемы, подсказанные ходом событий. Его статью «Банкротство начал германской культуры и идеалы русской цивилизации», написанную вскоре после начала Первой мировой войны, можно назвать венцом его политологической мысли.

Через 20 лет Завитневич снова вернулся к своей душевной боли – взаимоотношению европейских стран, прежде всего соперничеству России и

Германии. Он с тревогой следил за событиями, которые происходили в Западной Европе и почти пророчески предвидел приближение катастрофы. «Теперь не на словах, а на деле видим, – пишет он, – что Европа действительно залита человеческой кровью ... Как могло случиться, что столь блестящая культура дала столь отрицательные плоды?»

Ответ на этот непростой вопрос историк искал не только в современной ему жизни но и в фактах истории глубокой древности. Он анализирует национальные черты немецкого характера, зародившиеся во времена варваров, у истоков появления народности. Он поясняет, что идея народности требует объединения в одно целое разрозненных частей одного этнографического целого. Если соединение совершается свободно, без насилия, оно способствует созданию, народной мощи, материальной и духовной. «К сожалению, – подчёркивает автор, – при объединении народностей германского племени это благоразумное уважение к свободе не было соблюдено, и допущенный в объединительном процессе акт грубого насилия не замедлил принести свои отрицательные результаты»⁸.

В.З. Завитневич остроумно выдвигает тезис: «Господствующее начало жизни всегда даёт себя знать в том конечном идеале, к которому стремится народ» и снова ставит вопрос: «В чём же заключается конечный идеал германского народа, которому принадлежит доминирующая роль в истории европейской цивилизации»? Будучи широко образованной личностью, он находит объяснение этому идеалу в мифе о Валгалле, в палатах бога Одина, куда стекаются души героев после смерти. «Каждое утро выезжают они в сопровождении Одина на бой, делятся на партии и рубят друг друга, сколько хватит сил. К вечеру отрубленные части срастаются, раны заживают с тем, чтобы завтра снова можно было заняться тем же упражнением. Всякая борьба всегда ведётся с какой-нибудь определённой целью; даже хищные звери терзают друг друга, чтобы утолить голод. Какую же цель преследуют герои Валгаллы? Никакой другой, кроме самой резни, в которой содержится весь смысл жизни, всё её блаженства»⁹. Завитневич заостряет своё внимание на том, что, очевидно, мы имеем дело с профессиональными разбойниками, с истинными головорезами, которым на человеческом языке даже трудно придумать настоящие название.

Вера в своё оружие, свои силы, утверждающееся в жизни германцев в самом начале их выхода на историческую арену красной нитью проходит через всю их историю. Оно стало основным смыслом веры германцев, которые всякую науку старались «втиснуть в свои логические категории». А закончилось тем, что у них появилось учение о «сверхлюдях» Великой Германии, истинно чистой немецкой расе. Они объявили себя народом культурным, славянские – некультурными и вычёркивали из списка индоевропейских, развитых. В связи с этим профессор В.З. Завитневич пишет, что, самым блестящим показателем того, как германская мысль

становится жертвою научной тенденциозности, может служить недавняя декларация немецких учёных, выступивших на защиту мысли, что германская культура для своего поддержания нуждается в германском милитаризме. Как в самом деле могло случиться, что люди, несомненно учёные, прекрасно знающие, что всё, что есть истинно ценного в германской науке, в германской культуре, берётся нарасхват людьми других национальностей, как они могли серьёзно говорить о том, что их наука, их культура нуждается в поддержании огнём и мечом и что без поддержки насильем эта культура погибнет?

Работая в духовной академии, В.З. Завитневич постоянно изучал духовное состояние общества, которое не бывает неизменным. Как и славянофил А.С. Хомяков, в европейской культуре он видел крупный недостаток в её односторонности, в чрезмерном рационализме, в отсутствии живой веры и "полноты сил духа". Выяснение идеала – духовного, нравственного, политического; его роли в воспитании человека, – стержневая проблема профессора и, пожалуй, самая близкая его сердцу. Он затрагивал её почти во всех своих трудах. "Идеал, – писал он, – есть воспринятая сознанием идея, перешедшая в акт воли. Где нет воли, там не может быть ни возвышенных идеалов, ни прочных и глубоких убеждений, ни вообще здоровой философии"¹⁰. Он пояснял, что стремление к идеальному есть благородная потребность человеческой жизни. Отказаться в ней – значит подавить в нём все лучшие и прекрасные порывы и погрузить в мир грубого житейского прагматизма. Ему хотелось укротить человеческий эгоизм, жадность, дурные инстинкты. Устремляясь к идеалу, к нравственному развитию, человеку легче "перевоссоздать своё внутреннее несовершенство". Идеал есть определённое настроение наших нравственных сил и убеждений, на которых держатся все учреждения, без которых слабы внешние правила, маловероятна хорошая действительность.

Исходя от желаний лучшего, формируется нравственный идеал человека. Жаль только, что желания людей, находящихся в разных условиях жизни и негативных воздействий, на разных уровнях образования и культуры, бывают также разными. Завитневича интересовал идеал отдельного человека и идеал политический. Политический идеал – это наилучший образец политического и государственного устройства общества, чаще всего разработанный умом учёных и отвечающая важнейшим потребностям существования и развития данного народа и его государства. Он опережает действительность, побуждает массы, личность действовать сообща, в направлении созданного образца. Человек, нравственная жизнь которого освещена высоким идеалом, может многое вынести, побороть трудности и победить. Он обретает такую духовную опору, которая даёт ему уверенность, надежду, служит источником энтузиазма и радости.

Глубокое признание вызывают мысли В.З. Завитневича о месте и роли истории и историка в обществе, политической жизни. Он понимал, что

могущественное историческое знание неотразимо проникает во все сферы общественного сознания. Сегодня, когда озлобленные политиканы и фальсификаторы, стремятся превратить историю в инструмент мести и политического давления, искажают и подделывают её в угоду политической конъюнктуры, – это не только важная, но и сверхактуальная проблема. Полагаем, что для всякого вдумчивого образованного человека до очевидности ясно, что такая нелепая мысль в головах учёных людей могла явиться только плодом старой немецкой тенденции доказать, что германский народ–народ исключительный, народ избранный, что он призывается историей сказать человечеству последнее слово абсолютной истины и что поэтому его веления должны стать законом для всего мира, хотя бы для достижения этого пришлось поднять из могил старых вандалов. Когда несомненно учёный немец невежественно утверждает, что Рафаэль, Шекспир, Коперник, Ньютон были немцы, то вы чувствуете, что это он делает потому, что по его убеждению всё великое может быть только немецким.

Гегеля наш земляк называет типичнейшим выразителем немецкого философского ума, он создал грандиозную систему – здание без фундамента, не соответствующее реальной действительности. Да и Фридрих Ницше был «выразителем немецкой учёной тенденциозной прямолинейности и аморализма», наделавшей много шума. Ницше заявил, что мораль сострадания есть плод физиологического старения и вырождения человечества, и что люди, которых называют преступниками, злодеями, не должны быть жертвами понятия о нравственности, и что понятие о чистой совести должно быть изгнано со света. Завитневич великолепно понял, что такие фрукты, как Ницше, не растут в пустыне, что у них есть свои корни, что они выросли на военной морали, гласящей: «пленных не берите, врага не щадите». Это – ягоды одного поля, все они сродни героям Валгаллы. Он просит не смешивать, этот аморализм с общеевропейской христианской культурой. Германия стала заражать своими миазмами нравственную атмосферу Европы – позже это назовут ростками озлобленного фашизма. А историк–мыслитель предугадывает: «И легко представить себе, чего могло бы ожидать человечество, если бы германцам удалось утвердиться в той мировой роли, какую они в последнее время стараются играть на земном шаре»¹¹.

В условиях оскуднения, «овеществления» западной культуры и возникает идея о поиске потерянной духовности и нравственности среди других представителей человеческой цивилизации. Взгляды многих выдающихся мыслителей «атомного» века стали обращаться в сторону славян и России как мощного источника богатства души, братского доброжелательства и милосердия. Именно в это время, по словам Завитневича, взоры многих в Европе обращаются на Россию, как бы в преддверие старого афоризма «свет с востока», на страну, где, как говорил Клемансо, «хранятся непочатые залежи идеализма, открывающие для человечества необъятные перспективы». В этих словах французского политического деятеля передаются оттенки того, что

высказал в характеристике Ивана Тургенева и Адама Мицкевича французский писатель Жозеф Ренан. Наш земляк согласен с Ренаном, который признал славян людьми «полными первобытных соков», которые «в одно время и новы к жизни, и древни по своему существованию», полны оптимизма и веры в будущее.

Новые правители России намерены выстроить политическую систему по западноевропейскому образцу. Но ведь у россиян всё своё – мироощущение, религия, нравы, история, традиции, иными словами, другая цивилизация. Объективные публицисты сетуют на то, что в последнее время появилась мода на историческое враньё: пишут и переписывают по-разному об одних и тех же именах советского периода. А Завитневич изучал научные и этические основы исторического процесса, помогая объяснить его тенденцию, причины, его незримую "работу". Он пишет: "Не отдельные события и лица, а основные течения жизни и законы, управляющие этими течениями – вот, говорят, предмет, достойный внимания современного историка."

В речи В.З. Завитневича "Памяти А.С. Пушкина. К вопросу о значении личности в истории", произнесённой им 28 мая 1899 года в Киевском институте благородных девиц, осмысливается немало в то время расхожих взглядов о роли человека в истории. Уже тогда он не соглашался с теми, кто произвольно ставил себе задачи и свободно осуществлял их, вычёркивая факторы исторической эволюции, преувеличивая роль отдельной личности. И уж вовсе отклонял мнение тех, кто, говоря о главном двигателе истории, разрешал интересы материальной культуры (изобретатель прядильного станка, первооткрыватель железной дороги) или интересы желудка, по-нынешнему: деньги, карьеризм, роскошь. Но "Пушкин действительно был у нас тем первым ключом, который, пробившись сквозь кору иноземной подражательности, развился в могучую реку, пронесшую свои живительные воды по всем необъятным пространствам русской земли"¹². Велик он уже тем, что был властителем дум народных и призывал к новой жизни.

Нет, Завитневич не умалял славы подвигов, могучей воли великих личностей, прежде всего военно-политических деятелей, учёных и писателей. Но слишком различен взгляд на прошлое толпы, непросвещённого человека и мыслящего историка. Анализируя события и имена прошлого, мыслитель, по словам Завитневича, ценит их настолько, насколько они оставили после себя следы в жизни, насколько взволновали человеческую душу, насколько двинули её по пути разумного прогресса, словом, насколько способствовали торжеству сознательного над бессознательным, духа над материей. Он полагал, что, оценивая так исторических деятелей, историк нередко приходит к результатам, совершенно неожиданным для обычного представления.

Рассуждая о месте и роли историка в обществе, В.З. Завитневич употребляет словосочетание "вдумчивый историк", что означало глубокомыслящий, образованный, правдивый. Ярким примером такого историка были для него А.С. Хомяков, Н.М. Карамзин, Т.Н. Грановский, В.О.

Ключевский, М.П. Погодин и другие. Жизни и творчеству Хомякова он посвятил свою докторскую диссертацию и книгу в двух томах, которые вышли в 1902 и 1913 годах в Киеве. В его представлении это – человек феноменальных дарований, глубокий знаток, не только русской, но и всеобщей истории, знакомый с плодами современной европейской культуры не по книжкам только, но и путём непосредственного знакомства с Европой.

В.З. Завитневич выступал против вольного обращения с фактами политической жизни, их фальсификацией или ложным толкованием. В начале XX века он высказал мысль, которая сегодня просто бесценна: "История – это целое безбрежное море; на её страницах, особенно при лёгком обращении с фактами, можно найти оправдание всяких точек зрения"¹³. Сам же он, как историк, считал недопустимым произносить обвинительные или оправдательные речи. Завитневич предпочитал на каждом этапе исторического пути глубоко исследовать события и факты, объективно и непредвзято осмысливать, "отыскивать утраченные исконные начала своей народности", точно взвешивать на весах Немезиды – богини возмездия. Прежде всего, обращаться к началам, то есть источникам развития, к тому, что порождает явление, процесс: "Только начала вечны, а формы изменчивы". В назидание историк делает вывод: оценивать значимость государственного деятеля, лидера следует в соответствии со степенью политического развития общества, естественного хода событий, учитывая "жизненные интересы целых общественных классов". Он опасался за историографов, позволяющих себе "допустить неисторичность в оценке исторического деятеля – для всего есть время".

Нашим современникам следовало бы прислушаться к мыслям объективного историка–богослова, как он оценивал Великую французскую революцию: "...Было бы непониманием истории отрицать, что выдвинутые ею начала порождены были истинными потребностями жизни, и поэтому, взятые под покровительство историей, они существенно обновили Европу, вдохнув в неё новую жизнь. Вот почему бороться с этими началами – это значило идти против истории". А вот в январе 1995 года думская фракция ЛДПР предлагала признать Октябрьскую революцию в России незаконной. А с каких позиций пишут сегодня о советских государственных деятелях?

Язык статей Завитневича яркий, духовно озарённый, нередко представляющий собой слитки человеческой мудрости. Приведём его несколько свежо звучащих образцов суждений, которые могут обогатить речь любого оратора или письменное произведение:

- Теперь в ходу крылатые слова "переоценка ценностей". Благородные металлы никогда не могут потерять своей ценности.

- Вообще же нужно признать, что основная мысль, движущая человеческим прогрессом, всегда была одна и та же – достижение политической свободы.

– Материальная культура, взятая сама по себе, уже перестаёт быть целью, а становится средством для осуществления высших интересов духа.

– Одного публициста спросили: "Зачем он в своей статье допустил заведомую ложь против своих политических противников?" На это он хладнокровно ответил: "Этого требует тактика партии..."

– Зачем нам пускаться в мистические толкования того, что легко объясняется из существующих
налицо реальных причин?

- Анализ – великая сила науки: он ведёт к расчленению и уяснению понятий, а следовательно и к уразумению истины.

- Идеал есть воспринятая сознанием идея, перешедшая в акт воли. Где нет воли, там не может быть ни возвышенных идеалов, ни прочных и глубоких убеждений, ни вообще здоровой философии.

- Идеалы никогда не воплощаются в жизни во всей своей полноте.

- Народная масса всегда и везде составляет малоподвижную инертную силу; творческая же сила в ходе исторического прогресса принадлежит более культурному слою народного организма, а этот слой в данном случае более всего и подпал иноземному влиянию.

- Определить закон развития личности в истории науки не удалось; но именно то, что тут главную роль играет сама сила жизни, самобытно развивающаяся из своих первооснов. Для успешного развития силы жизни всегда нужны благоприятные условия, играющие роль света, теплоты и т.д. Таким условием в данном случае является образование.

- Антиисторично думать, что многовековая жизнь народа осталась бесследною для его будущего.

– Требуется такт и историческое чутьё.

Человек как уникальное творение природы и истории всегда был и остаётся предметом изучения, острых споров и разочарований. Он познаёт и преобразовывает мир, творит добро и зло. Обществу вовсе не безразлично, как он это делает, что помогает и что мешает ему быть подлинным гуманистом, двигателем общественного прогресса. В.З. Завитневича, как историка–мыслителя, воспитателя студенческой молодёжи всю жизнь волновали проблемы духовно–интеллектуального развития и нравственного воспитания человека, его потенциальные возможности. Он стремился постичь разумность всемирно–исторического, политического и образовательного процесса.

В.З. Завитневича увлекали нравственные идеалы в политике, а воспитание людей в духе любви, патриотизма, высокой культуры он считал высшей целью общества. В.З. Завитневич, как деятель церковной науки, глубоко понимал общепризнанную мысль о том, что самый сильный человек в мире тот, кто любит. Поэтому весьма резонно утверждал, что "только та философская система в состоянии будет вполне удовлетворить души русского народа, которая будет построена на любви, как на высшем начале жизни, проникающем весь строй мироздания". Владимир Зенонович был согласен с философами, которые считали: нельзя обновить мир, презирая его.

И чтобы преобразовать природу, и чтобы воспитать достойного человека–творца, и чтобы обогатить государство, нужна любовь. Вот почему профессор В.З. Завитневич учил людей любви, духовности, добродетели – превосходным качествам, выражающим красоту, надёжность и творчески–созидательную силу человека. Он имел ввиду не просто любовь к противоположному полу, а всеобъемлющую любовь, которая помогает преодолеть в своей душе пороки и воспитать не только самолюбие, но и чувство дружелюбия, гуманизма и собственного достоинства. Любовь он понимал как состояние души, как вечный поиск истины, как "способность любить всё истинно великое и святое", и непременно делать добро. Она помогает человеку во всех проявлениях жизни.

Познакомившись со статьями В.З. Завитневича, убеждаешься, что его политические мысли не просто культурно–теоретическое наследие, а весьма актуальны, поучительны и необходимы. Он раскрыл неизбежно возникающие противоречия между наукой и жизнью, между развитием и кризисом, и предупредил об их опасности, которая, к сожалению, нас не миновала. Мы с благодарностью воспринимаем его оперативное разоблачение ложных идей и банкротства германской культуры, особенно его бесценные мысли о воспитательном смысле идеала и позитивной науке, несущей гуманизм, плоды творчества и народное благо. Его идеи – истинно наши, к ним не надо привыкать, их следует развивать и вобрать в свой духовный арсенал.

¹ Завитневич В. Значение царствования Александра III // Труды Киевской духовной академии. 1895. № 1. С.4.

² Там же. С. 4.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же. С. 8-9.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Завитневич В. Об историческом признании русского народа // Труды Киевской духовной академии. 1993. № 3. С. 342.

⁷ Там же. С. 343.

⁸ Завитневич В. Банкротство начал германской культуры и идеал русской цивилизации // Труды Киевской духовной академии. 1915. № 1. С. 47.

⁹ Там же. С. 49.

¹⁰ К вопросу об историческом признании русского народа // Труды Киевской духовной академии. 1893. № 3. С. 355.

¹¹ Завитневич В. Банкротство начал германской культуры и идеал русской цивилизации // Труды Киевской духовной академии. 1915. № 1. С. 54.

¹² Завитневич В. Памяти А.С. Пушкина. К вопросу о значении истории // Труды Киевской духовной академии. 1899. Кн. 6. С. 205-206.

¹³ Там же. С. 218.

ЗАБРОДСКИЙ ЭДУАРД АНДРЕЕВИЧ родился в д. Рубеж Слуцкого района, Минской области в крестьянской семье. Трудовую деятельность начал на Минском тракторном заводе. После окончания Белорусского государственного университета на научной и педагогической работе. Доктор исторических наук, профессор. Автор ряда книг и статей по политической истории Беларуси.